

Н. А. Пелезнева
НИУ ВШЭ, Москва, Россия. npelezneva@gmail.com

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БОЛЕЗНИ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ XI–XIII ВВ. И ВИЗАНТИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
И ДВУХ ПЕРЕВОДНЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНИК)**

В статье рассматриваются особенности описаний соматической болезни, зафиксированные в древнейших летописях Руси (XI–XIII вв.) и славянских переводах византийских хроник VI и IX–X вв. (датировка переводов остается предметом дискуссии). Сопоставление памятников позволяет сделать вывод о заметных различиях в представлениях древнерусских и византийских книжников о недуге. Византийские хроники со временем склоняются к негативному образу болезни, а древнерусские летописи, напротив, чаще описывают ее в позитивном ключе. Эти различия позволяют сделать ряд выводов о характере и степени влияния византийских хроник на мировоззрение древнерусского летописца.

Ключевые слова: Древняя Русь, Византия, летописание, хроники, болезнь

Автор выражает благодарность А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенскому за консультации при работе над текстом статьи.

Среди сведений о жизни князей и высших духовных лиц Древней Руси, которые летописцы считали нужным сохранить для потомков, нередко упоминания о болезнях. Почему болезнь считали событием, достойным упоминания? Какое отношение к недугам старались «закрепить» древнерусские книжники? Ответы на эти вопросы позволят лучше понять специфику картины мира человека Древней Руси. В частности, особенности отношения к нездоровью раскрывают танатологические воззрения: учитывая возможности средневековой медицины, недуг часто предвещал смерть.

Проблема восприятия болезни впервые заинтересовала историков в 1970-х гг., ее рассматривали как одну из сфер истории повседневности. Авторы сборника «*Histoire culturelle de la maladie*» заключили, что вплоть до эпохи Возрождения недуг воспринимался как сверхъестественное явление: испытание, посланное Богом или демонами, либо повод для покаяния [Sendrail]. Эта точка зрения до сих пор не теряет актуальности. Начиная с 1980-х гг. историки, изучавшие отношение к болезни, заимствовали подходы и методы социологии, а также культурной и медицинской антропологии [Anderson, p. 32]. Результатом стали различные конструктивистские теории. Согласно им, определенное отношение к нездоровью и конкретным заболеваниям «конструируется» в обществе. Человек усваивает общепринятое отношение к болезни и соответствующим образом реагирует, столкнувшись с недугом, своим или чужим. Например, Э. Уитли пришел к выводу, что в средневековой Западной Европе церковь намеренно создавала и укрепляла негативное отношение к слепым, поскольку забота о них приносила духовенству доход, и подобные стереотипы о слепых действительно широко распространились [Wheatley]. Ученые выявляют и представления о естественных причинах заболеваний, продолжавшие традицию античной галеновской медицины, к примеру теория «миазмов» [Benedictow, p. 81].

Исследователи отношения к болезни в Древней Руси обычно выделяют два основных типа ее восприятия. К первому относились заболевания, вызванные естественными причинами и поддающиеся лечению с помощью медикаментов и несложных операций [Медведь, с. 39]; ко второму – недуги, которые считались следствием сверхъестественных явлений. Основы этих

представлений могли быть как языческими (персонификация болезни в виде мифологического персонажа, например «девицы-лихорадки») [Малахов, Малахова, с. 61–68], так и христианскими. С религиозной точки зрения недуг могли рассматривать как Божью кару за грехи либо как посланное свыше испытание [Герасимова, Мильков, с. 312]. Физическое страдание считали средством очищения души ради ее посмертного спасения. М. П. Одесский назвал такой подход «культом болезни», однако отметил, что подобный «культ» присущ далеко не всем древнерусским памятникам [Одесский, с. 175]. По мнению В. В. Милькова, отношение к врачеванию зависело от региональной традиции. Исследователь полагал, что книжники, связанные с Киево-Печерской обителью, чаще всего строго придерживались аскетического подхода. Новгородцы из Антониева монастыря, включая Кирика и игумена Моисея, напротив, считали, что аскеза – путь избранных, а страдания большинства людей достойны сочувствия, не исключающего классическую медицинскую помощь [Мильков, 2017, с. 82].

Обычно отношение к болезни в Древней Руси рассматривают, используя широкие хронологические рамки: от XI до XVI–XVII вв. [Малахов, Малахова; Медведь; Одесский]. На мой взгляд, оправданно изучение и более узких периодов, в том числе и наиболее раннего – начального этапа развития древнерусской книжности. Созданные в это время тексты служили образцом для последующих. Тем не менее лаконичные описания болезней в XI–XIII вв. отличаются от объемных детальных повествований, присущих более поздним памятникам¹. Возможно, на манеру писать о болезнях повлияло начало второй пандемии чумы в XIV в. [Хайдаров, с. 7–8]. Столкнувшись с невиданными ранее вспышками «мора», летописцы изменили и привычный способ говорить о недугах. Теперь детали описания были принципиально важны: читатель мог бы ориентироваться на эти описания, когда эпидемия вернется.

Вопросы о том, насколько самостоятельным было восприятие болезни в Древней Руси и под влиянием каких источников оно могло сформироваться, еще не привлекали внимания ученых. Поиск ответов на эти вопросы мог бы стать следующим шагом в исследованиях проблемы. Для этого следует сопоставить упоминания и описания болезни в древнерусских письменных памятниках с соответствующими упоминаниями в источниках, созданных в других регионах. Наиболее перспективным представляется обращение к византийским источникам, ведь Византия была важнейшим «донором» культуры для Древней Руси. К тому же ряд византийских памятников на Руси знали в переводах, соответственно, они были доступны более широкому кругу древнерусских книжников, чем оригинальные греческие тексты.

Источниками исследования станут крупные историографические сочинения. Большой объем позволяет обнаружить много эпизодов, описывающих болезни, и типологизировать их. К тому же структура погодной записи в этих памятниках относительно свободна, нет единого «стандарта» упоминаний о чем-либо, в том числе и о болезнях. Поэтому я предполагаю, что составитель такого текста мог самостоятельно выбирать, сообщать ли о недугах и в какой форме это делать. Древнейшие летописи Руси – Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая – будут сопоставлены с переводами двух византийских хроник на старославянский². Хроника Иоанна Малалы была составлена в VI в., Хроника Георгия Амартола – в IX в. Эти тексты стали важнейшими источниками, на которые опирались древнерусские летописцы. На это указывает количество цитат и реминисценций, найденных исследователями в древнерусских летописях. Наиболее влиятельным источником для историографической традиции Древней Руси считается Хроника Георгия Амартола [Водолазкин, с. 220].

¹ Ср. «Повесть о болезни и смерти Василия III» (БДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 24).

² Существует несколько точек зрения, касающихся датировки переводов (см.: [Пеев; Франклин]).

Можно выделить несколько «сценариев» упоминания болезни в этих источниках³. «Сценарий» включает важные характеристики описания недуга: условия его появления, его причину и предполагаемую цель (если она указана напрямую). И в византийских хрониках, и в древнерусских летописях я выделяю четыре основных «сценария»: предсмертная болезнь, «болезнь-мотивация», «знак свыше» и коллективная болезнь («мор»).

Предсмертная болезнь – самый распространенный «сценарий» и в византийских, и в древнерусских источниках. Иоанн Малала чаще всего упоминает ее безоценочно, используя формулу «болевь... оумре»⁴. Причины хронист указывает редко. В нескольких случаях к недугу приводит вспышка эмоций. Ганимед, захваченный в плен, заболевает «от оужасти»⁵, Пасифая – «опечалившись, яко изриновена от царьска сана»⁶, а император Маркиан «въ язву впаде», разгневавшись из-за мятежа⁷. Здесь заметно античное представление о связи болезни и острой эмоциональной реакции на события («πάθος»). Согласно Галену, в такой ситуации «неразумные» части души способны взять верх над ее «разумной» частью и спровоцировать проблемы со здоровьем – патологии [Singer, p. 384].

В Хронике Георгия Амартола нейтральные описания болезни в основном встречаются в книгах, посвященных библейским событиям⁸. В книгах о Риме и Византии большинство описаний резко негативны⁹. Они полны отталкивающих физиологических деталей: упоминаются нестерпимый смрад, гниение, «вытекающие» внутренности¹⁰. Некоторые описания не только отвратительны, но и унижительны, например, «недоугъ воднотрудный» императора Ираклия. Болезнь мешала ему отправлять элементарные естественные потребности: «егда же мочитиса хоташе, дъскоу на поупѣ поставлаше, занеже шбращаше его срамъ и на лице сець испоущаше»¹¹. Болезни почти всегда вызваны злодеянием или грехом. По приказу императора Максимиана истязают христиан, Ираклий женится на собственной племяннице, Феофил запрещает иконопочитание¹². Иногда Амартол подчеркивает, что физические страдания заболевших грешников – «зеркало» мучений, что ждут их после смерти. Так он говорит о смерти Константина V Копронима: «таче к кончинѣ зломоу и бѣоскверненого своего житиа бывѣ и шгнемѣ скоромѣ и пламенемѣ съжигаемѣ шждаючи его гешнѣ тако пламень предвида тако зеркало...»¹³. Для римлян и византийцев болезнь обычно смертельна, а для библейских персонажей, упомянутых хронистом, она может окончиться и выздоровлением, обычно по молитве праведника. Так исцелились царь Авимелех, забравший в свой дом Сарру, и сестра Моисея, пророчица Мариам, роптавшая на брата¹⁴.

³ В более ранней работе [Пелезнева] вместо понятия «сценарий» болезни использовалось понятие «модель» болезни, однако от него было решено отказаться, поскольку этот термин пересекается с социологической концепцией различных моделей восприятия болезни (социальной, медицинской и религиозной). Подробнее об этой концепции см.: [Metzler, p. 21].

⁴ «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. С. 87, 263, 275, 292.

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ Там же. С. 315–316.

⁸ Об особенностях восприятия и описания болезней в Ветхом Завете см.: [Kaiser], в Новом Завете см.: [Amundsen, Ferngren].

⁹ Исключением можно считать, например, сообщение о болезни императора Траяна (*Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т. 1. С. 308*).

¹⁰ Там же. С. 215, 329, 357, 480.

¹¹ Там же. С. 436. При этом Малала упоминает «водный труд» нейтрально («Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. С. 303).

¹² *Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1. С. 501*.

¹³ Там же. С. 481–482.

¹⁴ Там же. С. 82, 100.

Грех правителя в Хронике Георгия Амартола может стать и причиной *коллективной болезни* («мора»). «За многое коварствие злѣ» императора Максимиана на его подданных обрушивается эпидемия – «погыбелный гной»¹⁵. Тем не менее гораздо чаще в византийских хрониках «мор» понимается как расплата за грехи жителей определенной территории.

«*Болезнью-мотивацией*» я называю ситуацию, когда недуг используется в качестве предлога, помогающего скрыть истинную причину поведения. Императору Антемию хворь позволила найти убежище в храме, чтобы избежать покушения¹⁶, а «Иоанн ректоръ» сказался больным, чтобы не участвовать в переговорах с болгарским правителем Симеоном¹⁷.

Болезней, которые выступали бы в качестве «*знака свыше*», помогающего принять угодное Богу решение, у Иоанна Малалы не описано. У Георгия Амартола такой недуг нередко посылается ветхозаветным персонажам: среди них упомянутые выше Авимелех и Мариам, а также царь Иезекия¹⁸. После дарованной ему Богом победы над ассирийцами царь возгордился и позже заболел: он страдал от нарыва¹⁹. Амартол пишет, что болезнь призвана была обуздать гордыню царя: «[Иезекия] бо тогда въ болѣзнь въвержеса, да възиграниа дѣвнаго шбоудзаниа сподобльшеса, да не внѣ достоащихъ ѣмоу ноужю створать иснасти и побѣдноую вещь величаниа радѣ прииметь и крамолѣ»²⁰. Верно истолковав знак и раскаявшись, царь получает исцеление. В византийской истории подобными знаками можно считать «отсохшую» руку иконописца, который задумал запечатлеть Христа «по шбразоу Динѣву»²¹, и недуг императора Константина, отступивший в миг крещения²².

Говоря о небесных карах, в том числе и о нездоровье, Георгий Амартол ссылается на платоновского «Горгия»²³. По словам хрониста, у любого наказанного за проступок есть две возможные перспективы: либо исправиться, получив пользу для себя, либо, если человек упорствует в своем заблуждении и отказывается исправляться, стать примером для других, для себя не получая ничего. Таким наказанием может выступать и болезнь, приносящая физические мучения. Третье предназначение страданий, согласно Амартолу, – испытывать терпение и добродетель праведников. Такие случаи в хронике упоминаются редко. Взгляд на болезнь, свойственный Амартолу, – функция наказания свыше и отрицательного примера, использование недуга в негативных характеристиках личностей, отвратительные детали физиологии, – встречается и у более поздних византийских хронистов, например у Михаила Пселла [Пантић]. «Язва» нередко выступала как наказание, посланное Богом или святым напрямую либо спровоцированное нечистой силой, и в византийских житиях [Охлупина].

В древнерусских летописях *предсмертная болезнь* тоже упоминается наиболее часто, обычно в составе летописных «некрологов». Книжники подчеркивают тяжесть предсмертных мучений: князей одолевает «болезнь крепка»²⁴, «болезнь тяжка»²⁵, о некоторых сообщают, что они болеют «велми»²⁶ или «крепко» страдают²⁷. Такой недуг длится недолго, летопис-

¹⁵ Там же. С. 329.

¹⁶ «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. С. 318.

¹⁷ Истрин В. М. Книги временных и образных Георгия Мниха. Т. 1. С. 557.

¹⁸ При этом Амартол может добавлять дополнительные детали, отсутствующие в Писании. Например, о болезни Авимелеха хронист пишет: «ѣго бѣ истазавъ и многы ѣмоу раны дасть, коупно же и раслабление телеси наведе ѣмоу» (Там же. С. 82). В книге Бытия о «расслаблении тела» царя не говорится (Быт 20: 1–18).

¹⁹ 4 Цар 20: 1–7; 2 Пар 32: 24–26; Ис 38: 1–22.

²⁰ Истрин В. М. Книги временных и образных Георгия Мниха. Т. 1. С. 165.

²¹ Там же. С. 405.

²² Там же. С. 331–332.

²³ Там же. С. 79.

²⁴ ПСРА. М., 2001. Т. 2. Стб. 567, 610.

²⁵ Там же. Стб. 652–653, 656.

²⁶ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 130, 161, 215–217; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 83–84.

²⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 907.

цы часто приводят конкретные сроки. Князь Давыд Ростиславич преставился в тот же день, когда его, страдающего от болезни, доставили в монастырь: «а самого несоша больна соуща. в монастырь. къ стома мчнкоу. Борисоу и Глѣбоу на Смадыноу... и бы живота его. до того же дни. и познавса хоудъ изнемогати. ко исходуу дни»²⁸. Юрий Владимирович (Долгорукий) мучился пять дней: «пивъ бо Гюрги. въ шменика оу Петрила. въ тѣ дни на ночь разболѣса. и бы боolestи его. ѣ. дни и престависа Киевѣ»²⁹. Существует предположение о том, что Юрия могли отравить на пиру, однако летописец называет случившееся «болестью»: именно эту версию он стремится зафиксировать. Печерский монах Исакий болел «до шмаго дне»³⁰. Даже в редких случаях долгой болезни летописцы тщательно подсчитывают срок: новгородский архиепископ Антоний «бысть лѣт б въ болезни тои и 7 месяц и 9 дни»³¹.

Физические проявления предсмертной болезни описываются крайне редко, обычно летописец ограничивается указанием «разболеся». Самый подробный рассказ посвящен волынскому князю Владимиру Васильковичу. В повествование о последних годах жизни благочестивого князя летописец встраивает детальные сообщения о симптомах недуга: «нача емоу гнити исподнаѣ оуоустна. первого лѣт мало. на другое и на третье. болма нача гнити. и еще же емоу не вельми болноу. но ходашь. и ездашь. на конѣ... исходащоу же четвертому лѣтоу. и наставши зимѣ. и нача болми немочи. и шпада емоу все масо с бороды. и зюби исподнии выгниша вси. и челюсть. бороднаѣ. перегни... но болми нача изнемогати и шпада емоу масо все с бороды и кость. бороднаѣ перегнила баше. и бы видити гортань»³². При этом летописец явно симпатизирует князю: рассказывает о его христианских добродетелях и сравнивает его с долготерпеливым Иовом.

«Физиологические» детали в других эпизодах летописи гораздо короче и обычно касаются того, что больного постепенно покидают силы. Так описано заболевание князя Мстислава Ростиславича в 1178 г.: он «возвратиса в Новѣгородъ. и оута и болезнь крѣпка. и шхоудѣвающи силѣ. и штоимающи ѣзыкъ»³³. Е. Л. Конявская отмечает, что болезнь не лишила Мстислава дара речи полностью: он оказывается в состоянии озвучить завещание [Воропаев, Дергачева, Конявская, Мильков, с. 180]. Похожим образом описана болезнь Святослава Всеволодича в 1194 г. О самом недуге князя мы узнаем лишь то, что «нѣчто изверглось емоу на нозѣ», поэтому ослабевшего Святослава везли летом на санях: он был не в силах ехать верхом. Прибыв в Киев, он посещает церковь на праздник, затем отдает распоряжения о сватовстве внучки Евфимии, при этом «сего же болми шхоудѣвающи силѣ. и штѣмняющи ѣзыкъ»³⁴. Как и Мстислав, Святослав сохраняет способность говорить, а позже сам велит постричь себя в монахи³⁵. Таким образом, и в этих случаях летописец изображает недуг нейтрально, а к заболевшим относится позитивно.

Большинство предсмертных болезней в летописях становятся предвестниками «правильной смерти». Несколько дней болезни позволяют умирающему осознать, что переход в иной мир близок, и подобающе подготовиться: завершить земные дела, распорядиться наследством, примириться с близкими в случае раздора, раздать милостыню и покаяться в грехах. Киевский

²⁸ Там же. Стб. 705.

²⁹ Там же. Стб. 489.

³⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 198. Срок болезни мог обладать и символическим значением. Числа 5 и 8 относят к «числам смешанной семантики»: они одновременно обозначают и земное, бытовое явление, и его идеальный «прототип». Подробнее см.: [Кириллин, с. 247]. Кроме того, на восьмой день было принято давать имя новорожденному, иногда на этот день приходилось и крещение ребенка.

³¹ НПА. С. 72.

³² ПСРА. Т. 2. Стб. 914, 916–917.

³³ Там же. Стб. 609.

³⁴ Там же. Стб. 679–680.

³⁵ Подробнее о последних днях Святослава Всеволодича см.: [Литвина, Успенский, с. 139–142].

князь Ростислав Мстиславич в 1167 г. – вероятно, уже заболев, – намеренно планирует необходимую поездку в Новгород так, чтобы по дороге навестить дочь в Черниговской земле и сына в Смоленске. В дороге ему становится хуже, и князь, «оуже... нѣздравуя велми», сообщает, что хотел бы либо быть похороненным в Киеве, либо, если болезнь отступит, стать монахом Киево-Печерской обители³⁶. Е. Л. Конявская показывает, что Ростислав опасался «напрасной» (внезапной) смерти³⁷ и, вероятно, воспринял болезнь как начало последнего этапа жизни, ведущего к переходу в иной мир [Воропаев, Дергачева, Конявская, Мильков, с. 177–179]. Можно предположить, что древнерусский книжник считал предсмертный недуг знаком благосклонности Бога к болящему: тот получал возможность подготовиться к смерти, осуществив все необходимые ритуалы.

В крайне редких случаях болезнь, напротив, предвляла «нехорошую» смерть – «напрасную», то есть внезапную. Так скончался галицкий князь Владимир Володаревич, позволивший себе клятвопреступление и кощунство. После тяжелого разговора с послом о соблюдении прежних договоренностей Владимир «ре^ѣ шле тѣ нѣкто ма оудари за плече. и не може с того мѣста ни мало поступити. и хотѣ летѣти»³⁸. Летописец подробно рассказывает, как приближенные князя искали средство от напасти, но ни слова не говорит о желании Владимира покаяться в грехах или как-то иначе подготовиться к смерти. Вместо этого книжник подчеркивает, как быстро развивались события, используя маркеры времени: «и бѣ^ѣ велми вечерь. Володимиръ же нача изнамагати. вѣлми и ѿкоже бы влагомо. и тако Володимиръ Галичскыи кнѣзь прѣстависа»³⁹. Болезнь развивалась стремительно, и Владимир явно не успевал пройти весь «цикл» подобающей подготовки к переходу в мир иной.

Древнерусские описания «болезни-мотивации» похожи на византийские. Князь мог отказаться идти с родичами в военный поход, как поступил Олег Святославич в 1103 г., поскольку «не всхотѣ сего. вину река. не сдравлю»⁴⁰. Под предлогом болезни можно было покинуть важный пост, если истинные причины требовалось сохранить в тайне. Так отошел от дел в 1229 г. ростовский епископ Кирилл. Описание его недуга содержит физиологические детали: его «лице измѣнилоса. акы почернѣло ѿ недуга. оустнѣ штолстѣли и носъ»⁴¹. Летописец не пытается вызвать отвращение к больному, поскольку явно расположен к нему. Далее он говорит о том, как стойко и безропотно Кирилл перенес потерю высокого статуса, и сравнивает епископа с Иовом – как поступит и составитель рассказа о мучительном недуге Владимира Васильковича.

Коллективную болезнь древнерусские книжники рассматривают как проявление Божьего гнева, направленного на всех представителей сообщества: города или войска. Летописцы нередко прямо говорят, что «мор» послан «по грѣхомъ нашимъ»⁴². При этом в погодных записях XI–XIII вв. мы не видим коллективных действий, которые помогли бы заболевшим получить Божье прощение, – ни крестных ходов, ни особых молебнов, ни строительства обыденных церквей. Такие меры источники зафиксировали только начиная с XIV в., когда на Русь придет чума. В XI–XIII вв. наказание «мором» требует от людей не слаженных совместных действий, а личного покаяния. Иногда эпидемия и вовсе может быть знаком благосклонности Господа

³⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 529.

³⁷ Ср. в одном из «слов» Серапиона Владимирского: «Доколь не отступимъ от грѣхъ нашихъ? Пошадим себе и чад своихъ: в кое время такы смерти напрасны видѣхомъ? Инии не могоша о дому своемъ ряду створити – въсхыщени быша, инии с вечера здрави легъше – на оутрия не всташа: оубоитеся, молю вы, сего напраснаго разлученья!» (БЛАДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 372).

³⁸ ПСРА. Т. 2. Стб. 463.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 277.

⁴¹ Там же. Стб. 452. О событиях, которые вынудили Кирилла покинуть кафедру, см.: [Каштанов, Столярова, с. 222].

⁴² НПА. С. 30.

к русским князьям – в том случае, если недуг поражает войско их противников. Когда «мор» и другие беды обрушиваются на отступающих торков в 1060 г., летописец делает вывод: «тако Бѣ избави хъѣанъ ѿ поганыхъ»⁴³.

Редкий, но важный тип описаний включает индивидуальные болезни, служащие «знаком свыше» [Мильков, 2015, с. 15]. Такой недуг помогает принять верное решение, давая заболевшему время на раздумья и повод пересмотреть свои планы. Сразу два подобных примера присутствуют в сюжетах о Владимире Святославиче. Первый случай – широко известный эпизод внезапной слепоты, поразившей Владимира незадолго до крещения⁴⁴. Во втором случае болезнь мешает Владимиру пойти войной на сына Ярослава, отказавшегося платить Киеву «урок». Книжник подчеркивает, что это случилось по Божьей воле: «но Бѣ не вдасть дѣяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся»⁴⁵. Этот эпизод завершается смертью Владимира, поэтому его можно рассматривать и как предвестник «правильного» перехода в иной мир.

Итак, в византийских хрониках и древнейших летописях Руси выделяются одни и те же «сценарии» упоминания болезни, но их трактовка различается, иногда весьма значительно. Это хорошо заметно в подходе к изображению предсмертной болезни. В источниках обоих регионов встречаются нейтральные описания, но «крайние случаи» принципиально различаются. В византийских памятниках болезнь часто изображают в негативном ключе: она возникает из-за неконтролируемой вспышки эмоций (то есть нарушения гармонии) либо из-за греха. Яркие «физиологические» детали помогают составителю текста вызвать отвращение или презрение к заболевшему. Напротив, в древнерусских летописях предсмертная болезнь указывает на расположение Бога к заболевшему, она становится шансом на спасение души. Описания симптомов встречаются редко, они не отвратительны и часто сочетаются с панегирическими элементами: упоминаниями о добродетелях больного, параллелями с Иовом. Эти описания вызывают скорее сочувствие.

Можно было бы предположить, что славянский книжник реже описывал болезнь в деталях, поскольку не имел медицинского кругозора, сопоставимого со знаниями образованного византийца, даже никак не связанного с врачеванием. Не знал он, вероятно, и особой медицинской лексики, присущей греческому языку (в том числе и среднегреческому). Однако посмотрим на особенности перевода названий болезней в Хронике Георгия Амартола⁴⁶:

αρθριτις (артрит)	ящерица
δυσεντερια (тяжелый понос)	прѣлогъ
επιληψια (эпилепсия, эпилептический припадок)	рюма, рюмъ
λοσιχη νοσος (чумная/тлетворная/пагубная болезнь)	нежитовица чрѣмная
πυρετος (жар, горячка, лихорадка)	болѣзнь огненная
υδεριχος (водяночный)	[недоугъ] водьнотрудьнъ
χειραγυρα (хирагра; подагра, локализованная в кистях рук)	роукотръзание
χορδαψος («болезнь внутренностей»)	хордаисъ, хърдапс

⁴³ ПСРА. Т. 1. Стб. 163.

⁴⁴ О возможности сопоставления недугов Константина и Владимира Святославича см.: [Ранчин; Роменский]. Исцеление (и даже воскрешение) крещением – важный агиографический топос, летописцы привлекают его для прославления упомянутого лица.

⁴⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 130.

⁴⁶ Перевод в скобках приводится по древнегреческо-русскому словарю И. Х. Дворецкого за исключением слов «αρθριτις», «χειραγυρα» и «χορδαψος», отсутствующих в этом словаре.

Большую часть терминов славянский переводчик передает довольно точно. Пожалуй, во все не знакомы ему лишь «хърдапс», оставшийся без перевода, и «пагубная болезнь». При необходимости составитель текста конструирует нужное понятие, соединяя славянские корни, как в случае «роукотръзания». Таким образом, славянские книжники, в том числе и древнерусские, обладали средствами для детализированного рассказа о болезни, пусть и не такими развитыми, как у византийского хрониста. Тем не менее чаще всего они писали о недуге лаконично. Это позволяет предположить, что древнерусский книжник вкладывал в упоминание о болезни определенное значение.

Чаще всего летописцы упоминают предсмертный недуг. Вероятно, они могли воспринимать такую болезнь не как отдельный «изолированный» факт биографии, но как элемент комплекса событий, предшествующего смерти, то есть, с точки зрения христианина, переходу в иной мир. Нездоровье в летописях обычно описано в нейтральном или позитивном контексте. Это согласуется с идеей «эсхатологического оптимизма», свойственного древнерусской культуре [Воропаев, Дергачева, Конявская, Мильков, с. 14]. Согласно этой точке зрения, ожидание смерти для древнерусского человека было проникнуто надеждой на спасение души и приближение к Богу. Иной мир, вероятно, воспринимался как лучший мир. «Правильная» смерть повышала шансы человека на хороший исход, а предсмертная болезнь становилась первым шагом на этом пути.

Сопоставление упоминаний о болезнях в византийских хрониках и древнерусских летописях позволяет заключить, что книжники Древней Руси могли сознательно «конструировать» представления о недуге. Формируемый ими образ заметно отличался от взгляда на болезнь, свойственного многим византийским историографическим сочинениям. Точка зрения древнерусского книжника чаще всего предполагала доброжелательное и сочувственное отношение к больному. Недуг позиционировали как часть комплекса подготовки христианина к «правильной» смерти. Поиск источников этого образа может стать перспективным направлением исследований. Заметны и явные различия образа болезни в ранних и более поздних древнерусских памятниках. Для ранних характерен лаконичный рассказ о болезни с акцентом на силу физического страдания, очищающего душу. Чаще всего эти рассказы не содержат ярких физиологических подробностей. Можно предположить, что «разрыв» традиции произошел в XIV в. с началом второй пандемии чумы.

Литература

- Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и параллельного повествования XI–XV вв.). СПб., 2008. 488 с.
- Воропаев В. А., Дергачева И. В., Конявская Е. Л., Мильков В. В. Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв. М., 2021. 464 с.
- Герасимова И. А., Мильков В. В. Медицинские практики в Новгороде и Древней Руси: философский анализ // Новгородика-15. От «Правды Русской» к российскому конституционализму. Материалы V международной научной конференции, 24–25 ноября 2015 г. Великий Новгород, 2016. Ч. 1. С. 312–323.
- Кашитанов С. М., Столярова Л. В. История книги в Древней Руси XI–XVI вв. М., 2010. 448 с.
- Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси // Древнерусская литература: изображение природы и человека. М., 1995. С. 208–285.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. 208 с.
- Малахова А. С., Малахов С. Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI – начало XVII в.). Армавир, 2014. 298 с.
- Медведь А. Н. Болезнь и больные в Древней Руси: от рудомета до дохтура. Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб., 2017. 288 с.

- Мильков В. В. Древнерусское монашество и его отношение к недугам // Вестник славянских культур. 2015. № 2 (36). С. 13–28.
- Мильков В. В. Человек болящий в «Вопрошании» Кирика Новгородца: о своеобразии подхода к недужным с точки зрения отношения к болезням в Древней Руси // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород, 2017. Ч. 4. С. 56–83.
- Одесский М. П. «Человек болеющий» в древнерусской литературе // Древнерусская литература: изображение природы и человека. М., 1995. С. 158–181.
- Охлупина И. С. Где медицина бессильна: болезнь и исцеление в представлениях византийских агиографов VIII–XII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 10 (74). DOI 10.18254/S0002383-0-1. URL: <https://history.jes.su/s207987840002383-0-1/> (дата обращения: 20.04.2024).
- Пантий М. Болести византийских царева // Ноема: часопис за хуманистичку и друштвену мисао. 2018. № 4 (6). С. 81–110. DOI 10.7251/NOE1806081P
- Пев Д. П. Новые данные о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М., СПб., 2012. С. 13–38.
- Пелезнева Н. А. Болезнь как пространство коммуникации человека и Бога в восприятии древнерусского книжника XI–XIII вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 105. С. 11–30. DOI 10.15382/sturII2022105.11-30
- Ранчин А. М. Хроника Георгия Амартола и «Повесть временных лет»: Константин Равноапостольный и князь Владимир Святославич // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 52–98.
- Роменский А. А. Таинство крещения в восприятии правителей раннего средневековья (от Константина Великого к Хлодвигу и Владимиру Святому) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2013. Вып. 12. С. 94–103.
- Франклин С. К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык // ТОДРА. Л., 1988. Т. 41. С. 324–330.
- Хайдаров Т. Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). Казань, 2018. 304 с.
- Amundsen D. W., Ferngren G. B. The Perception of Disease and Disease Causality in the New Testament // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt II*. Berlin; New York, 1996. Vol. 37 (3). P. 2934–2956.
- Anderson W. Disease, Culture and History // *Health and History*. 1998. No. 1 (1). P. 30–34.
- Benedictow O. What Disease was Plague? Leiden, 2011. 746 p.
- Kaiser O. Krankheit und heilung nach dem Alten Testament // *Vom offenbaren und verborgenen Gott*. Berlin; New York, 2008. S. 212–245. DOI 10.1515/9783110211009.212
- Metzler I. Disability in Medieval Europe: Thinking about Physical Impairment in the High Middle Ages, c. 1100 – c. 1400. New York, 2006. 369 p.
- Sendrail M. Histoire culturelle de la maladie. Toulouse, 1980. 445 p.
- Singer P. N. Galen's Pathological Soul: Diagnosis and Therapy in Ethical and Medical Texts and Contexts // *Mental Illness in Ancient Medicine*. Leiden, 2018. P. 381–420.
- Wheatley E. Stumbling Blocks before the Blind: Medieval Constructions of a Disability. Ann Arbor, 2010. xiii, 284 p.

References

- Amundsen, D. W., Ferngren, G. B. The Perception of Disease and Disease Causality in the New Testament. In *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt II*. Berlin; New York, 1996. Vol. 37 (3). Pp. 2934–2956.
- Anderson, W. Disease, Culture and History. In *Health and History*. 1998. No. 1 (1). Pp. 30–34.
- Benedictow, O. What Disease was Plague? Leiden, 2011. 746 p.
- Franklin, S. K. Voprosu o vremeni i meste perevoda Khroniki Georgiya Amartola na slavyanskii yazyk [On Time and Place of the Translation of the Chronicle of George Hamartolos into the Slavic Language]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1988. Vol. 41. Pp. 324–330.
- Gerasimova, I. A., Mil'kov, V. V. Meditsinskie praktiki v Novgorode i Drevnei Rusi: filosofskii analiz [Medical Practices in Novgorod and Old Rus: A Philosophical Analysis]. In *Novgorodika-15. Ot "Pravdy Russkoi" k ros-*

- siiskomu konstitutsionalizmu. *Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 24–25 noyabrya 2015 g. Velikii Novgorod*, 2016. Part 1. Pp. 312–323.
- Kaiser, O. Krankheit und heilung nach dem Alten Testament. In *Vom offenbaren und verborgenen Gott*. Berlin; New York, 2008. S. 212–245. DOI 10.1515/9783110211009.212
- Kashtanov, S. M., Stolyarova, L. V. *Istoriya knigi v Drevnei Rusi XI–XVI vv.* [History of Books in Old Rus in the 11th – 16th Centuries]. Moscow, 2010. 448 p.
- Khaidarov, T. F. Epokha “Chernoï smerti” v Zolotoi Orde i privileguyushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.) [The Era of the “Black Death” in the Golden Horde and Adjacent Regions (Late 13th – the First Half of the 15th Centuries)]. Kazan, 2018. 304 p. Kirillin, V. M. Simvolika chisel v literature Drevnei Rusi [Symbolism of Numbers in Literature of Old Rus]. In *Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie prirody i cheloveka*. Moscow, 1995. Pp. 208–285.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. *Traektorii traditsii: Glavy iz istorii dinastii i tserkvi na Rusi kontsa XI – nachala XIII veka* [Pathway of Tradition: Chapters from the History of the Dynasty and the Church in Rus of the Late 11th – the Early 13th Centuries]. Moscow, 2010. 208 p.
- Malakhova, A. S., Malakhov, S. N. Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoi zhizni cheloveka Drevnei Rusi (XI – nachalo XVII v.) [The Phenomenon of an Illness in the Mind and Daily Life of the Old Russian Man (11th – the Beginning of 17th Centuries)]. Armavir, 2014. 298 p.
- Medved’, A. N. Bolezn’ i bol’nye v Drevnei Rusi: ot rudomet’ do dokhtura. Vzglyad s pozitsii istoricheskoi antropologii [Illness and Ill in Old Rus: From “Rudomet” to “Dokhtur”. The Historical Anthropology Perspective]. Saint Petersburg, 2017. 288 p.
- Metzler, I. Disability in Medieval Europe: Thinking about Physical Impairment in the High Middle Ages, c. 1100 – c. 1400. New York, 2006. 369 p. Mil’kov, V. V. Drevnerusskoe monashestvo i ego otnoshenie k nedugam [Old Russian Monks and Their Relation to Disease]. In *Vestnik slavyanskikh kul’tur*. 2015. No. 2 (36). Pp. 13–28.
- Mil’kov, V. V. Chelovek bolyashchii v “Voproshanii” Kirika Novgorodtsa: o svoeobrazii podkhoda k neduzhnyim s tochki zreniya otnosheniya k bolezniam v Drevnei Rusi [“Sick Person” in the “Voproshanie” of Kirik the Novgorodian: Concerning Uniqueness of the Approach to the Sick in Terms of the Attitude towards Illness in Old Rus]. In *Kirik Novgorodets i drevnerusskaya kul’tura*. Velikii Novgorod, 2017. Part 4. Pp. 56–83.
- Odesskii, M. P. “Chelovek boleyushchii” v drevnerusskoi literature [“Sick Person” in Old Russian Literature]. In *Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie prirody i cheloveka*. Moscow, 1995. Pp. 158–181.
- Okhlupina, I. S. Gde meditsina bessil’na: bolezni i istselenie v predstavleniyakh vizantiiskikh agiografov VIII–XII vv. [When Medicine is Powerless: Illness and Healing Viewed by the Byzantine Hagiographers in the 8th – 12th Centuries]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal “Istoriya”*. 2018. Vol. 9. Issue 10 (74). DOI 10.18254/S0002383-0-1. URL: <https://history.jes.su/s207987840002383-0-1/> (accessed 20 April 2024).
- Pantich, M. Bolesti vizantijskikh tsareva [Byzantine Emperors’ Diseases]. In *Noema: chasopis za khumanistichku i drushtvenu misao*. 2018. No. 4 (6). Pp. 81–110. DOI 10.7251/NOE1806081P
- Peev, D. P. Novye dannye o vremeni i meste perevoda Khroniki Georgiya Amartola [Newly Found Data about the Time and Place of Origin of the Slavonic Translation of Hamartolos Chronicle]. In *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniya. 2011–2012*. Moscow, Saint Petersburg, 2012. Pp. 13–38.
- Pelezneva, N. A. Bolezn’ kak prostranstvo kommunikatsii cheloveka i Boga v vospriyatii drevnerusskogo knizhnika XI–XIII vv. [Illness as a Space of Communication between Man and God as Perceived by the Old Russian Scribe (11th – 13th Centuries)]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2022. Issue 105. Pp. 11–30. DOI 10.15382/sturII2022105.11-30
- Ranchin, A. M. Khronika Georgiya Amartola i “Povest’ vremennykh let”: Konstantin Ravnoapostol’nyi i knyaz’ Vladimir Svyatoslavich [The Chronicle of George Hamartolos and the “Tale of Bygone Years”: Constantine the Equal of the Apostles and Prince Vladimir Svyatoslavich]. In *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Moscow, 2000. Book 10. Pp. 52–98.
- Romenskii, A. A. Tainstvo kreshcheniya v vospriyatii pravitelei rannego srednevekov’ya (ot Konstantina Velikogo k Khlodvigu i Vladimiru Svyatomu) [The Sacrament of Baptism in Perception of Early Medieval

Rulers (From Constantine the Great to Clovis and Saint Vladimir]. In *Drevnosti. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*. Kharkov, 2013. Issue 12. Pp. 94–103.

Sendrail. M. Histoire culturelle de la maladie. Toulouse, 1980. 445 p. Singer, P. N. Galen's Pathological Soul: Diagnosis and Therapy in Ethical and Medical Texts and Contexts. In *Mental Illness in Ancient Medicine*. Leiden, 2018. Pp. 381–420.

Vodolazkin, E. G. Vsemirnaya istoriya v literature Drevnei Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleinogo povestvovaniya XI–XV vv.) [World History in Literature of Old Rus (Based on the 11th – 15th Centuries Materials of Chronographies and Paleas)]. Saint Petersburg, 2008. 488 p.

Voropaev, V. A., Dergacheva, I. V., Konyavskaya, E. L., Mil'kov, V. V. Tanatologicheskaya tema v russkoi slovesnosti XI–XXI vv. [Thanatological Theme in Russian Literature of the 11th – 21th Centuries]. Moscow, 2021. 464 p.

Wheatley, E. Stumbling Blocks before the Blind: Medieval Constructions of a Disability. Ann Arbor, 2010. xiii, 284 p.

*Natalia A. Pelezneva
HSE University, Moscow, Russia*

FORMATION OF THE ILLNESS CONCEPT IN OLD RUS (11th – 13th CENTURIES) AND BYZANTIUM
(BASED ON THE OLD RUSSIAN CHRONICLES
AND TWO OLD SLAVONIC TRANSLATIONS OF THE BYZANTINE CHRONICLES)

The paper examines specific features of somatic illness depiction discovered in Old Russian chronicles (11th – 13th centuries) and in Old Slavonic translations of the Byzantine chronicles (6th and 9th – 10th centuries). There are some notable differences in the depiction of illness in Byzantium and Old Rus, which are possible to identify by comparison of the sources. Byzantine chronicles tend to portray the illness negatively, while Old Russian chronicles depict it mostly positively. These differences lead to some conclusions on the actual impact of the Byzantine chronicles on the Old Russian chronicler's world view.

Keywords: Old Rus, Byzantium, chronicle writing, byzantine chronicles, illness